

Разбить регулярный парк в совершенно дикой местности, придать ему черты земного рая было делом трудным, а в столь короткий срок — вообще невыполнимым. Но Петр не жалел для этого ни средств, ни людей. Архитекторы Браунштейн, потом Леблон, Микетти, Земцов работали над планировкой и сооружениями Верхнего сада и Нижнего парка не меньше, чем над дворцами Петергофа. Устройством парков занимались заморские садовники. В 1717 г. был нанят французский садовник Андре Годдо и тотчас был «определен к садам», для работы в Петергофе и Стрельне.³⁷ Но все-таки главным петергофским садовником стал Леонард фон Гарнифельд, который долгие годы трудился в Петергофе и знал каждый его уголок. Он имел много русских учеников, которых учил тщательно и систематически. Сохранилось его требование в Канцелярию от строений о присылке букварей для неграмотных учеников — без грамоты садового дела не изучишь.³⁸

Тысячи строителей производили трудоемкие работы такого масштаба и такой сложности, что порой они кажутся подвластными только современной технике. Здесь трудились пригнанные из губерний партии работных, вольные подрядные бригады, арестанты, каторжники, пленные шведы, гарнизонные солдаты. Сначала они рубили деревья, кусты, корчевали пни, выкапывали камни, порохом рвали каменные «хрящи», выравнивали почву, засыпали болота, копали пруды, версты канав и стоков, а также тысячи ям для деревьев и кустов. Потом сюда везли в изобилии строительные материалы: камень плитный и битый, песок, глину, строевой лес. На строительство фонтанов и каскадов Микетти в 1721 г. потребовал более 100 тысяч штук голландского белого и красного кирпича. В самой Голландии заказывали черный и белый камень для каскадов, мраморные плиты. Из персидской провинции Гилян поставляли какие-то особые «фонтанные камни», а из мячковских месторождений везли в Петергоф белый камень.³⁹ Заказывали камень и с Олонца — возможно, гранит.⁴⁰ Необходимо было удобрить землю. В 1722 г. в Петергоф «черную землю» и навоз возили из Копорского и Ямбургского уездов «разных мыз и деревень многие крестьяне» (300 кубических сажень).⁴¹ Эти работы частью были на подряде, а частью засчитывались местным крестьянам в повинности.

³⁷ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Д. 4в. Л. 209—210.

³⁸ Там же. Оп. 2. Д. 306. Л. 5.

³⁹ Там же. Д. 33а. Л. 104; Оп. 1. Д. 17а. Л. 181; Оп. 2. Д. 44. Л. 26 об.

⁴⁰ Там же. Ф. 468. Оп. 43. Д. 7. Л. 12 об.

⁴¹ Там же. Ф. 467. Оп. 2. Д. 25. Л. 2; Д. 37а. Л. 22.

Строительство фонтанов — настоящее искусство. Им занимались скульпторы, архитекторы и фонтанные мастера. Современные археологические раскопки в Летнем саду показали, что первые фонтаны были сложным инженерным сооружением. Выше уже говорилось, что фонтанные трубы были трудоемким изделием, их требовалось много. На Олонецкие и Уральские заводы А. Демидова приходилось посылать нарочных с деревянными моделями «кривых труб, по которым велено вылить чугунные».⁴² Свинцовые трубы отливали «свинечный мастер» голландец Корнелиус Гарлинг и другие прямо в Петербурге из привозного сырья. Трубы были нескольких диаметров: 3, 4, 6, 8, 10 и 12 дюймов (т. е. от 7,6 до 30,5 см). Археологические раскопки 1974 г. в Летнем саду позволили обнаружить чугунные трубы диаметром 28 и 19 см и свинцовую трубу диаметром 15,5 см. Для фонтанов использовали сочетания свинцовых и чугунных труб. Специальными дисками с отверстиями для болтов (фланцами) свинцовые и чугунные трубы соединяли в одну систему.⁴³ Чтобы хрупкие чугунные трубы дольше служили, их покрывали свинцовым кожухом. Это была особая и сложная работа. О масштабах этой дорогостоящей работы свидетельствуют данные 1724 г., когда для Петергофа было заказано 4675 чугунных труб длиной по 4 французских фута (1,2 м),⁴⁴ то есть почти 5 км труб. Не забудем, что укладка труб в специальные канавы, их соединение требовали особой технологии и мастерства рабочих.⁴⁵